

Ли Ицзинь

(Тяньцзиньский педагогический университет, Китай)

ПЛЮСЫ И МИНУСЫ КОММЕНТИРОВАННЫХ ПЕРЕВОДОВ Н. А. ОРЛОВОЙ ЦЗЮЭ-ЦЗЮЙ БО ЦЗЮЙИ

Аннотация: В 2017 г. китаист из Института востоковедения РАН Н. А. Орлова выпустила книгу «Бо Цзюй-и. Сто стихов *цзюэ-цзюй*». В данной книге она, с одной стороны, в соответствии с требованиями современного переводоведения основывается на оригинальном тексте. Автор тщательно взвешивает каждую строчку, увязывая ее с историко-культурным фоном, религиозными и философскими идеями, а также исправляет ошибки предшественников. С другой стороны, работа отвечает господствующей традиции русской поэзии, в результате чего художественность перевода значительно повысилась. Тем не менее перевод Н. А. Орловой также имеет небольшие недостатки в виде излишнего количества пояснений и неудачных трактовок. Требуется совместные усилия китайских и российских переводчиков художественной литературы для дальнейшего совершенствования перевода.

Ключевые слова: Н. А. Орлова, Бо Цзюйи, *цзюэ-цзюй*, четверостишие, перевод, комментарии к переводу.

Li Yijin

(Tianjin Normal University, China)

THE GAINS AND LOSSES OF N. A. ORLOVA'S TRANSLATION AND ANNOTATION OF BAI JUYI'S QUATRAINS

Abstract: In 2017, N. A. Orlova, a sinologist at the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, published *Bai Juyi: One Hundred Jue-ju Poems*. On the one hand, according to the requirements of modern translation science, the book, based on the original text, combined with the historical and cultural background of ancient China and philosophical and religious concepts, refined the translation words and corrected some mistakes of her predecessors. On the other hand, it suits the mainstream tradition of Russian poetry and greatly improves the artistry of translation. However, there are some flaws in Orlova's translation, such as over interpretation and improper interpretation, which need the joint efforts of Chinese and Russian literary translators to further improve.

Keywords: N. A. Orlova, Bai Juyi, *Jue-ju*, quatrains, translation, translation commentary.

Четверостишия являются важной частью великого поэтического наследия выдающегося поэта эпохи Тан Бо Цзюйи. Благодаря их краткости, простому языку и близости к реальности по содержанию, а также из-за того, что они отражали страдания народа, четверостишия были популярны в России и СССР, где сильны были литературные традиции реализма и в советское время развивался «социалистический реализм». Такого рода стихотворения стали прекрасным цветком

среди русских переводов китайской поэзии. Однако поскольку в русской поэтике отсутствует такое понятие, как *цзюэ-цзюй*, то поначалу русский перевод названия этого жанра представлял трудности. Так, например, мэтр российского китаеведения В. М. Алексеев перевел его как «усеченные строки» или «оторванные стихи», а его ученик Б. А. Васильев — «оборванные строки». В настоящее время более распространен перевод «четверостишие», а Н. А. Орлова, современный российский китаевед, использует транслитерацию и переводит название как *цзюэ-цзюй*.

1

В 2016 г. старший преподаватель Учебно-научного центра гуманитарных и социальных наук МФТИ Наталия Александровна Орлова опубликовала на 46-й научной конференции «Общество и государство в Китае» статью под названием «Проблемы поэтики четверостиший (*цзюэ-цзюй*) Бо Цзюй-и» [1], в которой был приведен современный перевод 570 четверостиший танского поэта и новейшие результаты исследования, основанные на работах старшего поколения ученых. В 2017 г. она выпустила книгу «Бо Цзюй-и. Сто стихов *цзюэ-цзюй*». В этой книге воспроизведены оригиналы стихов поэта на китайском языке, все четверостишия датированы, и к большинству из них указано место создания. Помимо этого, в книге также даны подробные комментарии о встречающихся в стихах Бо Цзюйи аспектах китайской культуры, истории, географии, аллюзиях и т. п. В «Предисловии переводчика» автор кратко знакомит читателя с историей жизни Бо Цзюйи и историей перевода четверостиший, выполненных предшественниками-китаеводами. Автор также рассматривает термин традиционной китайской поэтики *ханьсюй* («скрытый смысл»); считается, что он представляет характерные особенности четверостиший Бо. Данную книгу Н. А. Орловой можно назвать новейшим репрезентативным достижением современных переводов и изучения поэзии Бо Цзюйи. По оценке А. И. Кобзева, «впервые на русском языке появился представительный корпус стихов Бо Цзюйи в жанре *цзюэ-цзюй*, с одной стороны, переведенный в соответствии с современными научными требованиями, предполагающими предварительную текстологическую, комментаторскую и исследовательскую работу, учет исторических и культурных реалий, содержательных и формальных особенностей китайских произведений на *вэньяне* в целом (параллелизмы, грамматический минимализм, метаграмматические структуры, полисемантизм, обильное цитирование канонических сочинений и т. д.) и специфики жанра *цзюэ-цзюй* в особенности, а с другой стороны, полностью укладывающийся в традиционное русло отечественной поэзии», «в точности новых переводов Бо Цзюй-и достигнут принципиально более высокий, чем у предшественников, уровень» [2, с. 570].

Н. А. Орлова не отступает от оригинального текста, чтобы сделать переведенное стихотворение более похожим на русскую поэзию, как предлагал это делать В. М. Алексеев в соответствии с «русской поэтикой»; она также не следует

стилю Л.З.Эйдлина, практике жертвования «поэтической красотой» русского переводного текста ради верности перевода. Так, например, при переводе стихотворения «Ранней осенью один ночью» (*Цзао цю ду е, 早秋独夜*) Л.З.Эйдлин переводит вторую строку (*Линь чу цю шэн фа, 邻杵秋声发*) как «Валёк у соседки // Разносит осенние стучки» [4, с. 47], то есть иероглиф 邻 (*линь*) он переводит как «соседка», а звук валька раздаётся из ее дома. У Н. А. Орловой эта фраза переведена так: «По соседству раздаётся стук осеннего валька», — то есть размывается грань между субъектом действия и источником звука, что больше соответствует художественной концепции оригинального стихотворения Бо Цзюйи, описывающего неизвестно откуда раздающийся тихой осенней ночью звук валька.

Научный сотрудник Института философии РАН М.В.Рубец в 2017 г. опубликовала статью в сборнике материалов 47-й научной конференции «Общество и государство в Китае», в которой хвалит Н. А. Орлову: «У переводчицы хороший поэтический слог, она свободно владеет стихотворными размерами, различной рифмовкой, поэтическими приемами. Особый талант проявляется, на мой взгляд, в тех переводах, где Н. А. Орловой удалось передать поэтическими средствами не только смысл произведения, но и общее настроение» [5, с. 535–536]. М. В. Рубец приводит в качестве примера перевод стихотворения Бо Цзюйи «Храм Завещанной Буддой любви» (*《遗爱寺》*) (*《弄石临溪坐, 寻花绕寺行。时时闻鸟语, 处处是泉声》*): «В каждой строке стихотворения “Храм Завещанной Буддой любви” (*《遗爱寺》*) ощущается приподнятость, радость, ликование от наслаждения природой, настолько легкими и звенящими словами описаны картины, окружающие поэта во время его прогулки» [5, с. 536]. Давайте посмотрим перевод, выполненный Н. А. Орловой:

*Сижу у ручья, забавляясь камнями,
Брожу возле храма, любясь цветами,
Всечасно я слышу пичуг щебетанье,
И всюду ручья раздаётся звучанье* [3, с. 91].

我坐在溪边玩石头,
我漫步在庙旁赏鲜花,
每时我都听到鸟儿鸣叫,
每处都有小溪发出声音。

Хотя китайские читатели не обязательно смогут оценить красоту русского перевода стихотворения, но ведь они могут прочувствовать легкое, радостное настроение, передающиеся через ритм и стихотворный размер.

В переводах Н. А. Орловой исправлены некоторые ошибки в переводческих комментариях Л.З.Эйдлина путем проведения больших историко-филологических, географических, культурологических изысканий. Эйдлин следовал идеологической и политической линии и литературно-художественному курсу Советского Союза, использовал обывательскую социологию и механический материализм для понимания и объяснения сложных литературных и художественных явлений в истории, он привычно заключал изучаемые и анализируемые произ-

ведения в рамки моделей оценки, такими как «заботился о страданиях простого народа», «отражает социальную реальность», в результате чего появлялись упрощенные идеологические утверждения. Например, комментируя стихотворение Бо Цзюйи «Флейта на реке» («Кто там играет на флейте в ночи на реке? / Звуки подобны по родине острой тоске. / Головы внемлющих враз побелит седина, / Не говоря уж о тяжело скорбящем без сна!» (пер. Н. А. Орловой)), он писал, что это история «об изгнаннике, то есть о самом поэте, все время грустящем и от дум не смыкающем глаза» [6, с. 24]. Орлова указала в комментарии к переводу, что стихотворение было написано в 809 г., когда «Бо Цзюй-и находился в столице, за год до этого стал придворным советником (*цзо-ши-и*, 左拾遺) и его чиновничья карьера благополучно развивалась», поэтому пояснения Эйдлина можно охарактеризовать, как голословное утверждение из-за предвзятого мнения.

Н. А. Орлова не повторяет за предшественниками, а исправляет их ошибки после тщательного изучения. Так, например, Л. З. Эйдлин в «Двух четверостишиях вослед десяти стихам “Шаги в пустоте”, преподнесенным достигшей совершенства в плавании киновари даосской наставнице Сяо» переводит 蕭煉師 (*Сяо лянъши*) в мужском роде — «учитель Сяо» [4, с. 104], в то время как Н. А. Орлова дает вариант в женском роде — «наставница» и впервые предлагает в русском переводе такое пояснение: «Наставница Сяо (蕭煉師 *Сяо лянъ-ши*) — выпускница императорской театральной школы Ли-юань 梨園 (буквально «Грушевый сад»), ставшая в 780 г. придворной танцовщицей, а в 784 г. — обитательницей даосского монастыря на священной горе Суншань 嵩山 в провинции Хэнань, где ее посещал поэт» [3, с. 101]. Таким образом, исследовательница восполняет лакуну в комментариях к русским переводам Бо Цзюйи.

Еще один пример — известный китаевед С. А. Торопцев при переводе «Элегии о реке на закате» (*Му цзян инь*, 暮江吟) перевел строку 《可怜九月初三夜》 (*Кэ лянъ цзю юэ чу сань е*) как «О, эти ночи осени начала!» [7, с. 87]. Н. А. Орлова провела подробное текстологическое исследование и, цитируя комментарии А. И. Кобзева к кандидатской диссертации Л. З. Эйдлина, указала на то, что данное четверостишие Бо Цзюйи написал в период с 816 по 818 г. В Цзянчжоу: «Третья ночь девятой луны (九月初三夜 *цзю юэ чу сань е*) — в 816–818 гг. выпадала на временной промежуток от конца сентября до середины октября по западному календарю» [3, с. 107]. В календаре на десять тысяч лет в интернете можно узнать, что 3-й день 9-го месяца 816 г. по лунному календарю приходился на 27 сентября, в 817 г. — на 16 октября, а в 818 г. — на 6 октября. Согласно западной календарной системе, это — середина осени; нельзя сказать, что это ее начало. Такое скрупулезное исследование текста вызывает уважение к научному духу переводчика.

В переводах Н. А. Орловой также детально проверены и скорректированы ранее переведенные названия китайских растений, которые не встречаются в России. Например, Л. З. Эйдлин так перевел первую строку четверостишия «Ранней осенью один ночью» (*Цзин тун лян е дун*, 井桐涼叶动): «Утун у колодца колышет прохладной листвою», то есть он использовал транскрипцию слова [梧] 桐 — *утун*. Н. А. Орлова же взяла научное название данного растения — «Фир-

мианы» (англ. *Firmiana*) [3, с. 15]. В переводе четверостишия «Получил от придворного секретаря Цяня письмо с вопросом о болезни глаз» название 《黄连》 Эйдлин переводит транскрипцией *хуанлянь* [8, с. 242], а Орлова — «*коптис*» (англ. *Coptis*) [3, с. 53]. В еще одном четверостишии Бо Цзюйи «Ротанговая трость» встречается термин 《藤杖》 (*тэн чжан*), что означает «трость» или «посох» (*чжан*, 杖), сделанный из ротанга (*тэн цзы*, 藤子, англ. *Rotang*). Эйдлин переводит его как «тэновый посох» [8, с. 252], в переводе Орловой это исправлено на «красная трость из ротанга» [3, с. 75]. Еще интересный пример из перевода стихотворения «Песня о сборе лотосов» (*Цай лян цюй*, 采莲曲). В первой строке (*Лин е ин бо хэ чжань фэн*, 菱叶萦波荷飏风) иероглиф 菱 (*лин*) Эйдлин перевел как «каштан» [8, с. 294]. Хотя на Западе действительно есть традиция переводить слово 菱角 (*лин цзяо*) как «водяной каштан» (англ. *water chestnut*) и сам Л. З. Эйдлин дает пояснение, что это «водяной каштан», однако в переводе стихотворения нет определения «водяной», и это заставляет читателя задуматься: каштаны растут на склонах холмов, почему возникает сочетание «волны листьев каштанов» и как это связано с лотосами? Н. А. Орлова же переводит название растения как «рогульник» и поясняет, что это «водяной орех плавающий» [3, с. 133], а также приводит латинское название *trapa natans* (похожее на орех, съедобное растение рогульник) и тем самым, наконец, объясняет, что это за растение.

2

Н. А. Орлова постоянно связывает китайскую историю, культуру, философию и религию с толкованием стихотворений, что иногда приводит к излишним ассоциациям и ошибочным мистическим трактовкам. Возьмем, например, стихотворение «Ответ весне» (*Да чунь*, 答春):

*Над травами стелется плотный туман, но лотосы
ясно видны,
И, следуя Дао, столичным под стать красою здесь
виды полны.
Да жаль только вопли в горах обезьян уносятся
вдаль над рекой.
В родимом краю не живут они, тут их крик мучит
душу тоской!*

草烟低重水花明,
从道风光似帝京。
其奈山猿江上叫,
故乡无此断肠声!

Во второй строке сочетание 从道 (*цун дао*) — это 纵道 (*цзун дао*), то есть часто используемое в быту слово «хотя». В стихотворении «Обида Чжао-цзюнь» (*Чжао цзюнь юань*, 昭君怨) данное сочетание 从道 (*цун дао*) также используется в том же значении «хотя». В своей кандидатской диссертации Л. З. Эйдлин пере-

вел это сочетание как «ты говоришь мне» [6, с. 257], и хотя это тоже неверно, но и не усложняет исходную фразу. В переводе Н. А. Орловой эта фраза дается как «следовать Дао», а в комментарии дается пояснение «выражение из “Канона перемен”, в данном контексте не только означающее совершенство пейзажа, соответствующего Пути-дао, но и предполагающее “одинокий возврат” (ду-фу 獨復) на родину» [3, с. 83]. Это несколько излишняя трактовка, усложняющая простой вопрос.

Мы обычно говорим, что академической традиции интерпретировать китайскую литературу, отслеживая все источники и соединяя ее с историей, культурой, психологией и философскими концепциями древних китайцев, придерживался основатель современного российского китаеведения В. М. Алексеев. Его последователи также в основном придерживаются этой традиции. Когда автор данной статьи только начал заниматься русским китаеведением/литературой, в одной из статей, посвященных комментированию сравнительных исследований Алексеева китайской и западной поэтики, он написал: «Теория древнекитайской литературы представляет собой сложный предмет для изучения; когда теоретики разных эпох и относящиеся к разным школам рассуждают о вопросах литературы, даже используя одни и те же термины и повторяя похожие слова, смысл, который они в них вкладывают, может значительно отличаться. Если с одной точки зрения сопоставлять множество меняющихся вещей, то неизбежно допустишь ошибку. Например, В. М. Алексеев в его ранней монографии, посвященной “Поэме о поэте” Сыкун Ту, заметил одну литературную концепцию — “Дао — поэт”. Использование этой концепции для объяснения теории поэзии школы Сыкун Ту изначально было неплохой идеей. Однако если рассматривать ее как формулу и применять для объяснения позиций всех старых литераторов, то сложно будет избежать усматривания в этом упорства в заблуждениях. Сравнивая Сун Ляня с Буало, В. М. Алексеев посвятил целый раздел китайской концепции “Дао — поэт” (здесь «дао» понимается как «дао природы, естественное дао», *Чжуан-цзы*. — *Примеч. авт.*). И потом он написал: “...если под nature разуметь *цзыжань*, то точка зрения Буало на древних как на исповеданную природу и естественность китайцам весьма свойственна. Тогда Сун Лянь есть исповедник идей Буало (за три века до него)” [9, с. 278]. Мы говорим, что «дао» в литературной теории Сун Ляня — это Дао конфуцианских феодальных мудрецов. К тому же Сун Лянь в своей работе «Ответ на письмо студента сюэя Чжана по вопросу о поэзии» говорит о том, должен ли поэт учиться у предшественников и как должен это делать, и он не касается того, о чем говорил В. М. Алексеев: «...к самоестественности возвращается поэт... в диком вдохновении... *дао* — послушное следование природе» и т. д. (сам Алексеев говорил, что это — точка зрения *Чжуан-цзы*. — *Примеч. авт.*). Слова Алексеева можно назвать бесцельными и уклончивыми. Это говорит о том, что не следует использовать твердо определенную формулу для объяснения точек зрения литературных критиков разных эпох и направлений» [10, с. 413]. Н. А. Орлова тут допускает подобную ошибку.

Понимание и перевод древнекитайских стихов требует накопленных за долгое время знаний по истории и культуре Китая, и, возможно, поэтому собственно китайские ученые не могут избежать ошибок, а для иностранного переводчика тем более сложно не допустить ошибочного толкования. Возьмем для примера стихотворение Бо Цзюйи «Смотрюсь в зеркало»:

*Зеркала бронза сияет-блестит,
Проседь висков в ней пестреет-рябит,
Гляну я вновь, накопивши года,
Ты не поверь в их реальность тогда!* (Пер. Н. А. Орловой, А. И. Кобзева)

皎皎青铜镜，
斑斑白丝鬓。
岂复更藏年，
实年君不信。

На самом деле смысл этого стихотворения не труден для понимания: поэт обращен лицом к гладкому бронзовому зеркалу, смотрит на появившуюся на висках седину и печально вопрошает: «Разве я могу и дальше скрывать свой возраст? Я должен прямо заявить о нем, а вы не поверите». Китайские комментаторы так разъясняют эти строки: «藏年, *цаннянь*, означает “ложный, убавленный год”» [11, с. 771]. Это связано с практикой, существовавшей в чиновничьих кругах в древности: в прежние времена в официальных списках населения к зарегистрированному возрасту прибавляли слово «истинный» (*ши*, 实), чтобы отличать его от неверно поданого чиновничьего возраста. Сунский Хун Май в своей работе «Четыре записи из кабинета Жун. Действительный и официальный возраст» писал: «Когда ученое сословие говорит о чинах и заслугах, есть формулировки “действительный и чиновничий возраст”, они раньше никогда не встречались в официальных документах. Простолюдин при сдаче экзамена должен уменьшить свой возраст... Когда сановники хотят поскорее внести сыновей в чиновничий реестр, или же юноши хотят изменить свою судьбу, тогда они завышают свой возраст». В третьей главе «Неофициальной истории конфуцианцев» У Цзинцзы один из персонажей — Фань Цзинь — говорит о себе: «По спискам мне тридцать, а на самом деле пятьдесят четыре года». Очевидно, в то время простые люди скрывали свой возраст, чтобы воплотить в жизнь мечту о сдаче государственных экзаменов. В приведенном выше четверостишии Бо Цзюйи говорит, что его возраст на самом деле не такой и большой, но внешне он уже состарился, разве возможно еще преуменьшать свои года? Л. З. Эйдлин переводит данное сочетание как «упрятать годы» [8, с. 204], что вполне очевидно не подходит, так как не составляет соответствующей связи с предыдущей строкой «рябят-пестрят виски от белых нитей» (пер. Л. З. Эйдлина). В зеркале уже видны седые виски, это уже не удержишь, не спрячешь, а наоборот — они выставлены напоказ. Поэтому поэт и не признает, что он «убавляет годы», их не спрячешь в объективном зеркале. Н. А. Орлова переводит 藏年 (*цаннянь*) как «накопивши года», что явно еще более не к месту. Более того, в комментарии она пишет:

«иероглифы 复 — “снова”, “повторно”, 更 — “еще больше” и сочетание цан/цзан нянь 藏年 — “накопленные годы” предполагают обращение к зеркалу в будущем времени, когда автор еще больше постареет, и выражают просьбу не отражать тогда его подлинный возраст» [3, с. 65]. Кроме того, Н. А. Орлова добавляет, что перевод выполнен с помощью объяснений А. И. Кобзева. Можно лишь сказать, что у обоих исследователей неверное понимание этого вопроса, не соответствующее основной идее и эмоциональной логике оригинала стихотворения. Поэт смотрит в зеркало, видит седые виски и думает о настоящем моменте. Уже видно, что он постарел, превысил фактический возраст, так будет ли он думать о том, чтобы стать еще старше? Судя по всему, и Кобзев, и Орлова были введены в заблуждение наречиями 岂复更 (ци, фу, гэн) и полагали, что в этих двух строках говорится о ситуации, которая наступит когда-то в будущем, после еще более старшего возраста, что явно не соответствует обстоятельствам оригинала. Что касается просьбы, обращенной к зеркалу («Ты не поверь в их реальность тогда!»), то это проявление субъективности и домыслы, расходящиеся со смыслом оригинала. Здесь мы лишь указываем на это обстоятельство как на небольшую оплошность в переводе Н. А. Орловой и надеемся, что в будущем будут внесены исправления с учетом мнения китайских ученых.

В новых переводах четверостиший Бо Цзюйи, выполненных Н. А. Орловой, есть одна особенность — это их последовательность: исследовательница расположила сто произведений по хронологическому принципу, тем самым выстроилась цепь событий, идей, воспоминаний, которая отражает историю жизни поэта с 800 по 828 г., то есть в возрасте от 28 до 56 лет. За каждым переведенным стихотворением кроется исследование переводческого опыта предшественников, сравнение различных переводов. Автор увязывает события из четверостиший с китайской историей того времени, культурой и социальной действительностью и проводит тщательное текстологическое исследование, выполняет перевод и дает комментарии. Это полезно не только читателям, еще не знакомым с китайской культурой и поэзией, но и специалистам, изучающим культуру того периода в китайской истории и китайскую литературу в целом.

В последние годы переводу китайской литературы на русский язык стали уделять внимание китайские и российские литературные деятели и переводчики. Мощь Китая растет, увеличивается его международный статус, и в такой ситуации «рассказывать миру истории о Китае, распространять его голос», демонстрировать настоящий, объемный, всесторонний Китай — это требование партии и страны к нам, литературным работникам. В благоприятной обстановке дальнейшего распространения китайской литературы за рубежом, изучение опыта иностранных ученых по переводу китайской литературы, несомненно, станет положительным образцом и стимулом для нашей текущей работы по переводу китайской поэзии на иностранные языки. Надеюсь, что данная статья будет полезна коллегам и единомышленникам в Китае и России, занимающимся литературными взаимосвязями и переводами.

Литература

1. Орлова Н. А. Проблемы поэтики четверостиший (цзюэ-цзюй) Бо Цзюй-и // Общество и государство в Китае. Т. XLVI. Ч. 2. М.: ИВ РАН, 2016. С. 453–477.
2. Кобзев А. И. О русских переводах стихов Ду Фу и Бо Цзюй-и // Общество и государство в Китае. Т. XLVII. Ч. 2 М.: Ин-т востоковедения РАН, 2017. М.: 2017. С. 558–578.
3. Бо Цзюй-и. Сто стихов цзюэ-цзюй / пер. с кит. (вэньяня), предисл. и коммент. Н. А. Орловой. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2017.
4. Бо Цзюй-и. Четверостишия / пер. с кит., вступ. ст. и коммент. Л. З. Эйдлина. М.: Гослитиздат, 1949.
5. Рубец М. В. Современный перевод танской поэзии: модернизация или традиция? (О переводе Н. А. Орловой ста цзюэ-цзюй Бо Цзюй-и) // Общество и государство в Китае. Т. 47. № 2. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2017. С. 530–557.
6. Эйдлин Л. З. Четверостишия Бо Цзюй-и (771–846). Канд. дис. В 5 кн. Кн. II. Фергана, 1942.
7. Три вершины, семь столетий. Антология лирики Китая / пер. с кит. С. А. Торопцева. СПб.: Гиперион, 2016.
8. Горечь разлуки: Китайские четверостишия. М.: Летопись-М, 2000.
9. Алексеев В. М. Китайская литература. М.: Наука, 1978.
10. 夏康达、王晓平主编. 二十世纪国外中国文学研究. 天津:天津人民出版社, 2000. [Ся Канда, Ван Сяопин. Изучение зарубежной китайской литературы в XX веке. Тяньцзинь: Тяньцзинь жэньминь чубаньшэ, 2011.] (На кит. яз.)
11. 谢思炜. 白居易诗集校注. 第二册. 北京: 中华书局, 2006. [Се Сывэй. Сборник стихов Бо Цзюй-и с комментариями. Т. 2. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 2006.] (На кит. яз.)

References

1. Orlova N. A. Problems of Poetics of Bo Juyi's Quatrains (Jue-jiu). *Society and State in China*. Vol. XLVI, pt. 2 Moscow, Institute of Oriental Studies of the RAS Press, 2016. P. 453–477. (In Russian)
2. Kobzev A. I. On Russian Translations of Du Fu's and Bo Juyi's Poems. *Society and State in China*. Vol. XLVII, pt. 2. Moscow, Institute of Oriental Studies of the RAS Press, 2017. P. 558–578. (In Russian)
3. Bo Ju-yi. *One Hundred Jue-ju*. Transl. from Chinese (wenyan), prefaced and comment. by N. A. Orlova. Moscow, Institute of Oriental Studies of the RAS Press, 2017. (In Russian)
4. Bo Ju-yi. *Quatrains*. Transl. from Chinese, prefaced and comment. By L. Z. Eidlin. Moscow, Goslitizdat Publ., 1949. (In Russian)
5. Rubets M. V. Modern Translation of Tang Poetry: Modernization or Tradition? (on N. A. Orlova's translation of one hundred of Bo Juyi's jue-ju). *Society and State in China*. Vol. 47. No. 2. Moscow, Institute of Oriental Studies of the RAS Press, 2017. P. 530–557. (In Russian)
6. Eidlin L. Z. *Bo Juyi's Quatrains (771–846)*. PhD thesis. In 5 books. Book II. Fergana, 1942. (In Russian)
7. *Three peaks, seven centuries. Anthology of Chinese Lyrics*. Transl. from Chinese by S. A. Toroptsev. St. Petersburg, Giperion Publ., 2016. (In Russian)
8. *Bitterness of separation: Chinese quatrains*. Moscow, Letopis'-M Publ., 2000. (In Russian)
9. Alekseev V. M. *Chinese literature*. Moscow, Nauka Publ., 1978. (In Russian)

10. Xia Kangda, Wang Xiaoping. *The study of foreign Chinese literature in the 20th century*. Tianjin, Tianjin Renmin chubanshe, 2011. (In Chinese)
11. Xie Siwei. *Collection of poems by Bo Juyi with commentaries*. Vol. 2. Beijing, Zhonghua shuju, 2006. (In Chinese)

Перевод Е. И. Митькиной